

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 к.

№ 65
1908.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцелярѣ
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Любовь къ храму Божию. — Праздникъ старости. (Къ 2 фев-
рала) С. М. К. На пути въ объятія Отчи Изъ дневника инока. Сообщилъ
Г. 4 В. Подражаніе 135 псалму. С. П. Сила Божія и немощь человѣческая.
Несчастныи Сергѣя Нилуса. — „Старна“. Свящ. Николая Соболева. — Въ доб-
рый путь Священника Константина Славорасова.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ЛЮБОВЬ КЪ ХРАМУ БОЖІЮ

Можно ли это снести? Можно ли стерпѣть? Собраніе у насъ съ каждымъ днемъ становится меньше. Городъ полонъ людей, а церковь пуста; площадь, театры и портикъ полны, а домъ Божій пустъ. А лучше, если сказать правду, городъ пустъ, а церковь полна людей. Людьями называть должны не тѣхъ, которые на площади, а васъ которые въ церкви; не тѣхъ безпечныхъ, а васъ—усердныхъ; не тѣхъ, которые пристрастились къ житейскому, а васъ, которые житейскому предпочитаютъ духовное. Не тотъ человѣкъ, у кого есть душа человѣческая и душевное настроеніе. А о душѣ человѣческой ничто такъ не свидѣтельствуешь, какъ любовь къ слову Божію; равно ничто такъ не показываетъ и не обличаетъ душу скотоподобной и неразумной, какъ пренебреженіе къ слову Божію. Хочешь знать, что небрежущіе о слышаніи слова Божія, этимъ небреженіемъ, потеряли человѣчество, и утратили самое природное достоинство свое? Скажу вамъ не свое слово, но пророческое реченіе, подтверждающее мою мысль, чтобы вы видѣли, что нелюбящіе духовныхъ словъ не могутъ быть и людьями, чтобы вы видѣли, что городъ у насъ обезлюдѣлъ. Громогласнѣйшій Исаія, этотъ созерцатель чудныхъ видѣній, удостоившійся еще въ плоти видѣть серафимовъ и слышать ту таинственную пѣснь,— онъ вошедши въ многолюдную столицу іудейскую, то есть, въ Іерусалимъ, стоя на срединѣ площади, тогда какъ окружалъ его весь народъ, желая показать, что не слушающій пророческихъ словъ не—человѣкъ, взывалъ такъ: *придохъ: и не бѣше человекъ; звахъ, и не бѣ послушающаго* (Ис. I, 2). И въ доказательство, что онъ сказалъ это не по совершенному недостатку присутствующихъ, но изъ-за безпечности слушателей, послѣ словъ: *придохъ, и не бѣше человекъ*, прибавилъ: *и не бѣ послушающаго*. Стало быть, присутствующіе были, только не считались присутствующими, потому что не слушали пророка. Поэтому онъ, какъ пришелъ, и не бѣ-

ше челоуѣка, звалъ, и не бѣ послушающаго, обращаетъ рѣчь къ стихіямъ, и говоритъ: *слыши, небо, и внуши, земля* (Ис. I, 2). Я, говоритъ, посланъ къ людямъ,—къ людямъ, имѣющимъ умъ; но такъ какъ нѣтъ у нихъ ни разсудка, ни чувства, то обращаюсь съ словомъ къ стихіямъ, не имѣющимъ чувства, въ обличіе одаренныхъ чувствомъ, но не пользующихся этимъ преимуществомъ. Такъ говоритъ и другой пророкъ, Іеремія. И онъ, стоя среди множества Іудеевъ, въ томъ же самомъ городѣ, какъ будто бы не было никого, восклицалъ такъ: *кому возглаголю и засвидѣтельствую* (Іер. VI, 10). Что говоришь? Видя такое множество людей, спрашиваешь, съ кѣмъ заговорить тебѣ? Да, говоритъ, тѣлъ много, но—не людей; много тѣлъ, у которыхъ нѣтъ слуха. Поэтому и прибавилъ: *не обрѣзани ушеса ихъ, и слышати не возмогутъ*. Видишь, что все это не—люди, изъ-за того, что не слышатъ? Тотъ (Исаія) говоритъ: *придохъ, и не бѣше челоуѣка; звахъ, и не бѣ послушающаго*, а этотъ, (Іеремія) говоритъ: *кому возглаголю и засвидѣтельствую? Не обрѣзани ушеса ихъ, и слышати не возмогутъ*. Если же пророки о присутствующихъ говорятъ, что они не—люди, потому что не внимали усердно словамъ (пророческимъ), то что сказать намъ о тѣхъ, которые не только не слушаютъ, но и не хотятъ войти въ это святилище, о тѣхъ, которые блуждаютъ внѣ этого священнаго стада, находятся вдали отъ этого матерняго дома, на распутіяхъ и переулкахъ, какъ беспорядочныя и лѣнивыя дѣти? И эти, бросая отцовскій домъ, бродятъ кое-гдѣ внѣ, и цѣлые дни проводятъ въ дѣтскихъ играхъ. Отъ этого такія дѣти часто теряютъ и свободу, и жизнь, попадаютъ въ руки похитителей и воровъ, и часто, въ наказаніе за вольность, подвергаются смерти, потому что тѣ, взявши ихъ, и взявъ (съ нихъ) золотыя украшенія, или топятъ ихъ въ волнахъ рѣчныхъ, или, если захотятъ поступить съ ними нѣсколько челоуѣколюбивѣе, отводятъ ихъ въ чужую землю и лишаютъ свободы. Это же бываетъ и съ неприходящими въ церковь. И они, какъ уклоняются отъ отчаго дома и пребыванія здѣсь, попадаютъ въ уста еретиковъ и на языки враговъ истины, а эти,

схвативъ ихъ, какъ похитители, и отнявъ у нихъ золотое украшеніе вѣры, тотчасъ убиваютъ ихъ, не бросая въ рѣку, но погружая въ мутные догматы злочестія.

(Изъ твореній св. Іоанна Златоустаго).

ПРАЗДНИКЪ СТАРОСТИ.

(Ко 2 Февраля).

Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ.

Срѣтеніе Господне—праздникъ маститой старости. Старецъ Симеонъ встрѣтилъ Иисуса Христа во храмѣ, когда былъ принесенъ туда Богомладенецъ въ сороковой день по рожденіи *поставити Его предъ Господомъ.*

Трудно изобразить эти святые минуты въ жизни праведнаго старца. Ихъ нельзя передать, выразить словами, но можно только непосредственно испытывать. Всю жизнь прожилъ онъ чаюніемъ *Утѣхи Израилевой.* Упованіе не посрамило его. Духомъ Святымъ было обѣщано ему, что онъ не умретъ, покуда не увидитъ Христа Господня. Когда нѣмотствующій еще Спаситель рода человѣческаго принесенъ былъ родителями въ храмъ, Духомъ Святымъ приведенъ былъ туда и св. старецъ Симеонъ. Вотъ онъ взялъ Бого-

младенца въ свои старческія объятія и вдохновенно произнесъ ту священную пѣснь, которую каждодневно напоминаетъ намъ Св. Церковь:

„Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ. Яко видѣсть очи мои спасеніе Твое, еже уготовалъ еси предъ лицомъ всѣхъ людей: свѣтъ во откровеніе языкомъ и славу людей Твоихъ Израиля“.

Вся цѣль жизни святого старца была сосредоточена въ томъ, чтобы своими очами увидѣть Христа-Мессію. Это обѣщано ему

свыше. Онъ старъ, въ лѣтахъ преклонныхъ. Но онъ привязанъ къ жизни и не хочетъ умереть, пока чувственнымъ взоромъ не увидитъ Того, на Кого обращены были очи всего Вѣтхаго За-вѣта. Вотъ и насталь для него великій моментъ—радостнаго свиданія. Теперь цѣль его достигнута. Старческія очи созерцали спасеніе Израиля. Теперь все кончено! Онъ спокойно сходитъ въ могилу, ибо своими глазами видѣлъ Того, Который есть свѣтъ въ просвѣщеніе язычниковъ и слава людей Своихъ Израиля.

Правда не увидать уже ему полного разцвѣта народившейся Жизни. Но съ него [довольно!.. Онъ счастливъ и умереть спокойно. Не многимъ досталось на долю это счастье, хотя многие о немъ мечтали...

Праздникъ старости! Какой старецъ не пожелаетъ умереть столь-же спокойно, какъ Сумеонъ Богопримецъ?.. Какой старецъ, прощаясь съ жизнію, не пожелаетъ повторить его трогательной пѣсни: „Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“!...

Замѣчательно, что Св. Церковь воспѣваетъ эту пѣснь каждый день за вечернимъ Богослуженіемъ. Она сближаетъ для насъ вечеръ дня съ вечеромъ нашей жизни и этою пѣснію руководить чадъ своихъ къ хрiстіанской непостыдной мирной кончинѣ...

Сколько назидательности содержитъ въ себѣ священная пѣснь праведнаго старца!

Она научаетъ *юношу* дорожить жизнію, какъ величайшимъ изъ даровъ Божіихъ. Она говоритъ ему, что не чувствєнныя наслажденія и удовольствія, не земныя утѣхи и радости должны составлять цѣль жизни для хрiстіанина. Все это—тлѣнно и скоропреходяще. Все это—суєта и томленіе духа, по выраженію мудреца Соломона. Истинная цѣль жизни—есть приготовленіе къ небесному отечеству, чтобы наслѣдовать по смерти утраченное райское блаженство.

Пѣснь эта вселяетъ любовь къ жизни въ сердце *зрѣлаго мужа*, испытавшаго немало превратностей и разочарованій. Она говоритъ ему, что если *здѣсь* преслѣдуютъ насъ неудачи и страданія, если окружають горя и несчастья, не сокрушайся, хрiстіанинъ! Вѣрно слово, если мы съ Нимъ *здѣсь* страдаемъ, то съ Нимъ и царствовать будемъ.

Она заставляетъ дорожить жизнію и отягченнаго годами старца, но внушаетъ не прилѣпляться къ ней. Она говоритъ: не должно на земной жизни сосредоточивать всѣ свои надежды и упованія. Нужно смотрѣть на нее, не какъ на цѣль, но какъ на средство къ достиженію цѣли. Когда Господь призываетъ старца къ Себѣ, значитъ пришелъ часъ его; значитъ, насталь часъ воли Божіей. Старцу-хрiстіанину нужно такъ-же радостно встрѣчать смерть, такъ же бодро смотрѣть ей въ очи, какъ сдѣлалъ

это Сумеонъ Богопримецъ, сказавъ при прощаніи съ жизнью; „нынѣ отпущеніи раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“.

С. М. К.

На пути въ объятія Отчи.

(Изъ дневника инокa).

(Продолженіе).

21 Декабря. *И изиждь вонъ, плакася горько.*—Господи! давно-ли Ты вечерялъ со мною? Давно-ли я наслаждался предъ лицомъ Твоимъ благодатью Твоихъ даровъ, миромъ и радостью въ Духѣ Святомъ? Давно-ли, согрѣтый теплотой Духа любви, я готовъ былъ слѣдовать за Тобою до смерти? Тогда, я думалъ, что довольно для меня покаянныхъ вздоховъ, какъ будто оставалось только веселиться предъ лицомъ Твоимъ. Но вотъ Женихъ отнять отъ души моей... Какой Иуда похитилъ Его изъ сердца моего? Что, душе моя, не пободрствовала и не защищала, хотя бы мечемъ Петра, Учителя своего? Какая ночная зима искушенія, какой огонь сласти заставили тебя такъ скоро отречься Господа и очутиться внѣ двора, гдѣ страждетъ Господь (въ лицѣ своихъ меньшихъ братій)? Покайся же, душе моя, подобно Петру. Познай, что слезы сокрушенія вмѣстѣ съ Петромъ и твой жребій. Но не отчаявайся подобно ожесточенному Иудѣ—предателю. Не носи ада упорства и отчаянія въ сердцѣ твоемъ. Смирись, признайся въ своей слабости и не отводи взора твоего отъ Учителя—проси, умоляй Его; вѣрь, что Онъ смотритъ на тебя и теперь не взоромъ презрѣнія, а милосердія и состраданія; надѣйся, что чрезъ три дня опять явится тебѣ, ободритъ тебя, согрѣетъ теплотою Своего Духа Утѣшителя, духа любви къ Нему и братьямъ. Тогда, при содѣйствіи Его, а при твоемъ только желаніи, ты взойдешь и на крестъ, за которымъ откроются вѣчныя неизмѣнныя обители въ дому Отца Небеснаго, откроется вечеря съ возлюбленнымъ тобою Господомъ Иисусомъ Христомъ и всѣми возлюбившими Его (въ лицѣ меньшихъ братьевъ). *Господи! окрони опять росу благодати въ изсохшемъ сердцѣ моемъ—кладеницъ сокрушенно.мъ!*

Сообщилъ I. А. З.

Подражаніе 135 псалму.

Славьте Господа, ибо Онъ благъ безпредѣльно!

Славьте Его, православные русскіе люди:

Ибо въ вѣкъ милость Его!

Онъ намъ послалъ испытанья тяжкія всюду,
Горько намъ!.. Но не покинулъ насъ Пастырь нашъ добрый:

Ибо въ вѣкъ милость Его!

Онъ возложилъ на насъ бремя, но Онъ же и сниметь,—
Богъ для насъ—Богъ во спасеніе, нынѣ и присно:

Ибо въ вѣкъ милость Его!

Самъ Онъ жалѣеть всѣхъ праведныхъ, зломъ угнетенныхъ,
И, какъ Отецъ, Онъ жалѣетъ и грѣшныхъ заблудшихъ:

Ибо въ вѣкъ милость Его!

Гордость, измѣна растутъ,—но Господь нашъ заступникъ,
Станемъ мы съ вѣрой въ Него—и Господь дастъ побѣду:

Ибо въ вѣкъ милость Его!

Въ прахъ развѣваетъ Онъ козни лукавцевъ корыстныхъ,
Ихъ же самихъ, какъ Творецъ, все падить милосердно:

Ибо въ вѣкъ милость Его!

Рано или поздно сразить Онъ убійцъ безпошадныхъ,
Всѣхъ же страдальцевъ восприметъ въ небесное Царство:

Ибо въ вѣкъ милость Его!

Онъ повелитъ—и утихнутъ всѣ бурныя волны,
Онъ наградитъ Своихъ вѣрныхъ незыблемымъ миромъ:

Ибо въ вѣкъ милость Его!

Правя Единый судьбами земли и вселенной,
Онъ намъ хранить Государя для общаго блага:

Ибо въ вѣкъ милость Его!

Славьте же Бога Небеснаго, русскіе люди!
Въ жизни ли радостной, въ жизни ли горестной, славьте:

Ибо въ вѣкъ милость Его!

С. П.

СЛАВА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА.

НЕСЧАСТНЫЙ.

(Продолженіе).

IV.

Одному Богу было извѣстно, какое чувство руководило матерью несчастнаго ребенка кинуть его въ руки такъ жестоко, коварно обманутаго ею человѣка и мужа только по имени, но Андрей Александровичъ ребенка не бросилъ.

Когда онъ опомнился отъ страшнаго нервнаго потрясенія, первымъ его порывомъ было броситься за извергомъ—женщи-

ной, не пощадившей въ немъ ничего святаго. Онъ, было, бросился со своимъ сверткомъ на улицу, но злодѣйки и слѣдъ уже простылъ; одинъ только убогій огонекъ уличнаго фонаря, засвѣтившійся на отдаленномъ перекресткѣ въ сыромъ туманѣ осенней ночи, могъ бы указать путь, по которому умчалась мать покинутаго ребенка, но онъ молчалъ, безмолвный свидѣтель тяжкаго преступленія, совершеннаго предательской рукой надъ беззащитнымъ сердцемъ. Куда было бѣжать?.. А, между тѣмъ, живое, беззащитное, маленькое существо билось въ судорожныхъ конвульсіяхъ, надрываясь отъ безпомощнаго плача.

Смягчила эта жалкая безпомощность сердце несчастнаго... И съ этой роковой ночи удивленные хозяева, затѣмъ сосѣди, а тамъ и весь переулочекъ узнали, что Богъ далъ Андрею Александровичу дочку Таню. Одни пожимали плечами не безъ нѣкоторой доли ехидства; другіе недоумѣвали; третьи пребывали равнодушнѣе, но такихъ, конечно, въ Т...скомъ переулкѣ было значительное меньшинство, какъ и во всякой провинціи, всегда склонной проявлять особый интересъ къ интимной жизни ближняго.

— „Это—твоя дочь Татьяна!“ — О, злая, беспощадная насмѣшка!

И жгла эта насмѣшка бѣдное сердце и днемъ, и ночью, какъ раскаленнымъ желѣзомъ незажившую, болѣзненную рану сердца несчастнаго. Что бы съ нимъ было, если бы не ребенокъ, отвлекавшій заботой о себѣ его сердце отъ безнадежнаго отчаянія,—хрістіанину страшно и подумать! Безпомощность и заброшенность ни въ чемъ неповиннаго младенца, покинутаго на его попеченіе, отогнали отъ Андрея Александровича черныя мысли и онъ кончилъ тѣмъ, что страстно полюбилъ маленькую Таню. Кто проникнуть можетъ въ глубину человѣческой души?—Не перенесло ли отвергнутое сердце своей любви на то, что было живою частью любимой женщины?... Андрей Александровичъ не разставался ни на минуту съ ребенкомъ; только служба—источникъ пропитанія этихъ двухъ заброшенныхъ существъ, отрывала его на время служебныхъ часовъ отъ маленькой Тани, зато все остальное время было посвящено ей безраздѣльно. Какъ же любило, стало быть, его сердце мать этого ребенка!

Но недолго крѣпился Андрей Александровичъ: старая тоска, неизжитое горе взяло верхъ надъ воздержаніемъ, одолѣла старая страсть, и—опять завилось горе веревочкой, и затонуло оно въ мертвой чашѣ. Опять запилъ бѣдняга.

Въ Т...ѣ, гдѣ его меньше знали, меньше и терпѣли его на службѣ, когда стала замѣтна начальству страсть, вѣрнѣе, болѣзнь горемыки, со службой ему пришлось разстаться вторично—съ ней рушилась, стало быть, послѣдняя преграда, сколько-нибудь удерживавшая его отъ окончательнаго паденія. Опускаясь

съ каждымъ днемъ все больше и больше, растрчивая на свое безуміе послѣдніе гроши, Андрей Александровичъ дошелъ, наконецъ, до того, что сталъ таскаться по самымъ послѣднимъ кабакамъ, пропивая остатки даже домашней своей обстановки. И, вотъ, въ одинъ ненастный зимній вечеръ, когда на дворѣ бушевала такая вьюга, что добрый хозяинъ на улицу и собаки не выгонитъ, забрелъ онъ съ питомцей своей на рукахъ въ одинъ изъ послѣднихъ притоновъ пьяной страсти. Побоялся онъ что-ли, темной ночью, въ морозную вьюгу возвращаться съ ребенкомъ домой, или уже у него къ тому времени и дома-то не было, только пришлось ему заночевать съ малюткой на холодномъ, земляномъ полу у кабацкой стойки. Видно, есть, до поры до времени, у пьянаго своя судьба—покровительница, или ужъ Богу не угодно было погубить изстрадавшуюся дуну, только Андрею Александровичу эта ночевка прошла даромъ, ну, а ребенокъ простудился на смерть и, прохворавъ съ недѣлю, Богу и отдалъ свою ангельскую душеньку.

Эта недѣля у изголовья умиравшей Тани отрезвила несчастнаго, и со смертью послѣдней его на землѣ привязанности отступила отъ него и его гибельная страсть: онъ бросилъ пить и уже до конца своихъ дней болѣе не прикасался къ рюмкѣ.

Что переработалось въ его сердцѣ, что вынесла его душа, когда маленькій могильный холмикъ скрылъ подъ собою навѣки послѣдній обломокъ минувшаго?

Видно и ядъ бываетъ сладокъ, если его подноситъ любимая рука. Люди стараго закала это понимать умѣли. Должно быть, понималъ это и Андрей Александровичъ...

V.

Послѣдній, уже совершенно трезвый періодъ жизни Андрея Александровича прошелъ весь опять въ нашемъ городѣ. Опять его приняли на службу въ казначейство, гдѣ онъ вскорѣ и занялъ свое старое мѣсто помощника казначея. Служака то онъ трезвымъ былъ отмѣнный.

Къ тому времени исторія его уже успѣла настолько основательно забыться, что для меня она изъ устъ его была новымъ откровеніемъ. Родители-то мои, быть можетъ, ее и помнили, но съ нами, дочерьми, объ этомъ никогда не говорили. Наши времена-то были не то, что теперешнія: и взрослые не всегда знали то, что теперь дѣтямъ открываютъ чуть не съ пеленокъ...

Прошло уже пять лѣтъ со времени кончины новопреставленной Синклитикии, умершей въ острогѣ. Отъ Андрея Александровича я узнала, когда онъ повѣдалъ мнѣ свою исторію, что эта узница была его женой. Двѣнадцать лѣтъ томилась она въ тюрьмѣ,

такъ и не увидала больше земной свободы. Тайна ея преступленія была унесена Андреемъ Александровичемъ въ могилу; только стороной, уже значительно позже, довелось мнѣ отъ кого то слышать, что ея соблазнитель умеръ отъ болѣзни, которая судебнымъ властямъ показалась подозрительной: едва ли онъ не былъ отравленъ, и вотъ по дѣлу то объ его отравленіи и была обвиняема жена нашего горемыки. Въ тѣ времена судъ былъ долгій, и Синклитикия Платоновна до суда такъ-таки и не дожила, въ острогѣ отстрадавъ и отплативъ своими страданіями Небесному Правосудію за то зло, которое она на землѣ причинила бѣдному сердцу своего мужа. Но за достовѣрность этого слуха я не могу ручаться: другое было дѣло, если бы я объ этомъ узнала изъ устъ самого Андрея Александровича, а онъ, какъ я уже сказывала, на этотъ счетъ не обмолвился ни однимъ словомъ: видно, хорошо умѣло прощать его сердце.

Со времени своего возвращенія въ нашъ городъ, Андрей Александровичъ поселился жить въ нашемъ домѣ и такъ къ нему и къ намъ привязался, что даже крестилъ вмѣстѣ со мною младшую мою сестренку. Духовнымъ этимъ родствомъ онъ дорожилъ до того, что до конца своей жизни звалъ кумовьями моихъ родителей. Меня же онъ звалъ, просто, по имени—Анютой.

Такъ, вотъ, когда прошло пять лѣтъ со смерти жены, заболѣлъ и нашъ кумъ-горемыка. Старый ли запой отозвался на потрясенномъ организмѣ, а, можетъ быть,—кому доступна глубина человѣческаго сердца—и трагическая смерть жены повліяла, но этой болѣзни суждено было стать для Андрея Александровича послѣднимъ этапомъ къ переходу въ вѣчность.

VI.

Необыкновенно заболѣлъ своей предсмертной болѣзнью нашъ несчастный. Видно, уже такъ было Богу угодно, чтобы за исключительныя его страданія увѣнчаться ему и исключительной кончиной.

Былъ май мѣсяцъ 1881 года, такъ, около 25-го числа. Сирень уже отцвѣла. Наступало жаркое лѣто... По издревле заведенному въ провинціи доброму обычаю, послѣобѣденные часы посвящались сладкому отдохновенію, какъ тогда говорили „въ объятіяхъ Морфея“ или „Храповицкаго“. Послѣ обѣда, обыкновенно, раняго—не позже двухъ часовъ—и послѣ отдыха у насъ къ пробужденію домочадцевъ ставился самоваръ, за которымъ, обычно, хозяйничали или я, какъ старшая, или моя мать. На меня же была возложена и обязанность будильщицы.

Андрей Александровичъ отдыхалъ послѣ обѣда въ одной комнатѣ съ отцомъ: отецъ—на постели, а онъ—на диванѣ. До этого

дня нашъ кумъ былъ совершенно здоровъ, да и послѣ обѣда легъ отдыхать, ни на что не жалюся. Въ этотъ же день всѣ стали собираться къ послѣобѣденному чаю, а его, смотрю, все нѣтъ. Я окликнула его, но отвѣта не получила. Окликнула опять. Отвѣта нѣтъ. Вошла я въ комнату, гдѣ онъ отдыхалъ и что же вижу?—стоитъ Андрей Александровичъ около своего дивана уже почти совсѣмъ одѣтый; въ рукахъ у него жилетка, и онъ все мнетъ ее руками, а самъ ничего не видитъ и не слышитъ.

— „Андрей Александровичъ, а, Андрей Александровичъ! Идите-жъ чай пить: всѣ уже собрались и васъ ждутъ.“

А Андрей Александровичъ хоть бы голову повернулъ въ мою сторону: стоитъ, какъ зачарованный, мнетъ въ рукахъ жилетку; глаза широко раскрыты и смотрятъ куда-то вверхъ и все въ одну точку. У меня сжалось сердце отъ какого-то предчувствія.

Я опять—ему:

— „Андрей Александровичъ! да идите-жъ: мы чай пить васъ дожидаемся!“

Какъ будто опомнился онъ немного отъ настойчиваго звука моего голоса и на этотъ окликъ сталъ отвѣчать, но все не отрывая взглядъ отъ какой-то, мнѣ невидимой точки:

— „Некогда, некогда мнѣ теперь, Анюта, чай пить: домой надо идти скорѣе!... Давай мнѣ сапоги, калоши, шапку, палку!... Да, носи все скорѣе... Пора, пора!“...

Я не поняла сразу—куда это ему домой-то пришла пора собираться и хотѣла, было, обратить его рѣчи въ шутку: думала, не заспался ли мой Андрей Александровичъ.

— „А, гдѣ домъ-то вашъ?“—спросила я его: „куда это вы такъ идти-то спѣшите?“

— „Тамъ—мой домъ!“—указывая вверхъ, отвѣтилъ Андрей Александровичъ: „тамъ — и мой, и твой, и кума, и всѣхъ, всѣхъ!“...

А глаза стали у него еще какъ-то больше. На зрачки, прямо, жутко было смотрѣть—до того они расширились...

Такъ, вотъ, оно что!—подумала я испуганно...

— „Тамъ, тамъ—домъ нашъ!“—продолжалъ говорить, точно въ забытій, Андрей Александровичъ: „всѣ скоро тамъ будемъ: и кумъ, и кума... и ты туда тоже пойдешь въ свое время!... Никто дома своего не минуетъ!“...

— Да, вы развѣ что-нибудь тамъ видите?—спросила я, а у самой сердце такъ и заколотилось.

— „Все, все вижу, Анюта... Хорошо тамъ, Анюта! Веди меня туда скорѣе, скорѣй веди! Ужъ немного осталось мнѣ до дому: веди скорѣй!“

— А, какъ немного-то?

— „Да, три шага всего, а тамъ и домъ!“

И Андрей Александровичъ вздохнулъ съ какой-то особенной, удовлетворенной радостью...

Тутъ вошелъ въ комнату мой отецъ, и мы, съ его помощью, кое какъ надѣли на Андрея Александровича его жилетку и пиджакъ и привели его къ чайному столу. Онъ шелъ съ нами, какъ автоматъ, съ глазами, устремленными все въ ту же незримую для насъ точку.

Привели его къ столу, усадили, налили ему чаю... Онъ вдругъ склонилъ свою голову на руки и, облокотившись на столъ, сталъ тереть себѣ одной рукой лобъ и все въ томъ же полузабытѣ говорить:

— „Быть и не быть—статья міра такая!... Въ этомъ вся статья міра: сейчасъ тутъ, а завтра—гдѣ? Былъ и нѣту!... Какъ—нѣту? Есть!... Былъ, есмь, буду!... Вотъ и вся статья міра: быть!“...

Всѣ тутъ мы поняли, что Андрею Александровичу настало время умирать и что это—ему предсмертное видѣніе.

Водворилось торжественное и вмѣстѣ жуткое молчаніе... Продолжалось оно довольно долго, а Андрей Александровичъ все теръ свой лобъ и приговаривалъ все тѣ же слова...

Наконецъ, молчаніе наше было прервано моимъ отцомъ:

— „А, мнѣ“,—спросилъ отецъ: „скоро, кумъ, тамъ быть?“

— „Вскорѣ послѣ меня и ты туда пойдешь!“—отвѣтилъ ему Андрей Александровичъ... И мать, и я, и сестра стали его о томъ же спрашивать, но въ это время у него внезапно покраснѣло лицо: онъ какъ-то полуоткинулся на креслѣ и захрапѣлъ. Глаза закрылись... Мы хотѣли его поднять, чтобы перенести на кровать, да не осилили—послали за нашимъ кучеромъ, и съ его помощью отецъ перенесъ Андрея Александровича на диванъ въ свою комнату. Хотѣли, было, тамъ уложить его на диванъ, но сдѣлать этого не удалось: какая-то сила приводила его въ сидячее положеніе. Такъ и оставили мы его сидѣть, обложивъ подушками, а подъ ноги поставивъ кресло.

Онъ все храпѣлъ, но лицо уже не было такъ красно.

Въ такомъ положеніи онъ провелъ восемь сутокъ, не приходя въ сознаніе. Призвать хотѣли доктора, но кумъ нашъ до того ихъ терпѣть не могъ, что отецъ мой, боясь, какъ бы онъ, придя въ сознаніе, не увидѣлъ около себя доктора, сдѣлать этого не позволилъ.

Тяжелое для всѣхъ насъ было это время—эти восьмеро сутокъ: приходилось и днемъ, и ночью дежурить у изголовья больного, ни на минуту его не покидая, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ онъ придетъ въ себя. Въ концѣ послѣднихъ сутокъ у него вдругъ открылось горломъ кровотеченіе: два глубокихъ таза вышло изъ него крови, и тутъ онъ очнулся въ полномъ сознаніи. Потребовалъ, чтобы его обмыли; надѣлъ, съ помощью отца, чистое бѣлье

и, какъ ни въ чемъ не бывало, только очень слабый, вышелъ черезъ восемь сутокъ своего забытья къ послѣобъденному чаю. За столомъ сидѣлъ, какъ здоровый, но ужъ изъ-за стола встать не могъ: съ нимъ сдѣлалось что то вродѣ паралича въ ногахъ и тутъ то онъ уже окончательно заболѣлъ своей предсмертной болѣзнию.

С. Нилусъ.

„С Т А Р К А“.

Только годъ истекъ, какъ я священствую. Но и за это время приходило ко мнѣ не мало людей моей и не моей паствы,—чтобы посовѣтоваться въ рѣшеніи недоумѣнныхъ вопросовъ житейскихъ. Я молодъ,—и учить духовныхъ чадъ своихъ жизненной опытности дѣло не легкое. Но какъ-бы то ни было, а совѣты мои, благодарю Бога, многократно исполнялись,—съ пользою для моей паствы и на радость и утѣшеніе въ пастырской дѣятельности мнѣ самому.

Такъ было и сегодня. (25 Марта 1907 г.). Приходить ко мнѣ старая дѣва, или что тоже „старка“ на мѣстномъ—провинціальномъ—нарѣчій. Приходить и говоритъ: „батьшко! я пришла къ тебѣ за совѣтомъ“... „Ну, садись, голубушка, посовѣтуемся“, отвѣчалъ я. Дѣвица сѣла на лавку. „О чемъ же станемъ совѣтъ-то держать?“ спрашиваю.—Э—э?! (Нужно замѣтить, что дѣвица нѣсколько приглуха, и, должно быть, не разслышала моего вопроса). Я снова повторяю свои слова. „Да вотъ, батьшко, отвѣчаетъ старка, дала я обѣщаніе Богу—побыть въ какомъ-либо женскомъ монастырѣ на послушаніи, да всеъ и не исполнила, поди—вѣдь грѣхъ это батьшко“?! Изъ подробностей я узналъ, что дѣвица эта назадъ тому годовъ 5—6, когда любимый отецъ ея былъ въ тяжкой болѣзни и чуть-чуть не умеръ, дала обѣщаніе годъ прожить въ женскомъ монастырѣ на послушаніи. Богу угодно было скоро возставить страждущаго отца дѣвицы съ одра болѣзни: онъ скоро совсѣмъ поправился и принялся за свои дѣла. Но дѣвица забыла исполнить свое обѣщаніе и никуда не ходила. Прошло послѣ того около года. Дѣвица сама сильно заболѣла и хворала очень долго. На одрѣ своей болѣзни она дала вторично обѣщаніе посвятить себя монастырскому послушанію, гдѣ Богъ приведетъ на всю жизнь,—если Богъ проститъ ее. И второй разъ дѣвица познала на себѣ милосердіе Божіе,—скоро поправилась. Но и послѣ этого она медлила исполненіемъ своего обѣщанія на цѣлые годы. Можетъ быть и совершенно забыла бы свой обѣтъ, если бы не заговорила въ ней совѣсть.

Преслѣдуемая ея мученіями, дѣвица п пришла за совѣтомъ къ священику...

— „Дань грѣхъ, батюшко, не исполнить обѣщаніе-то, вѣдь надо исполнить, или можно обойтись какъ-нибудь?“ Спрашивала дѣвица.

— „Данные Богу обѣты, голубушка, нужно свято исполнять, отвѣчалъ я. Зачѣмъ и обѣщаться, если не надѣешься исполнить? Кромѣ того, ты обѣщалась уже не однажды, и обѣщалась по одному случаю, или годъ побыть въ монастырѣ, если Богъ пошлетъ выздоровленіе отцу, или и всю жизнь прожить на монастырскомъ послушаніи, если Богъ исцѣлитъ тебя самое. Богъ былъ милостивъ для тебя: Онъ скоро услышалъ твою молитву и исполнилъ твои прошенія; будь же и ты вѣрна своимъ обѣтамъ и исполни предъ Богомъ все, въ чемъ обѣщалась. Не исполнишь обѣта,—Богъ можетъ снова посѣтить тебя, можетъ быть, болѣе тяжкою болѣзнію, и ты уже не встанешь... Исполни, обязательно исполни свои обѣщанія: ибо грѣхъ обманывать Бога. Знай, что отъ великаго и страшнаго суда Его намъ никуда не уйти“...

— „Да, батюшко, это вѣрно, тяжело вздохнувъ отвѣчала дѣвица,—отъ Бога не уйдешь! А нельзя-ли, батюшко, покуда откупиться деньгами?“ спрашивала старка...

— „Нельзя, милая! Обѣщанія даются не по принужденію, а по доброй волѣ. Деньги и вносятся, какъ деньги; ими спасеніе не покупается“...

-- „Да, и это вѣрно“, снова сказала старка.

Вида недоумѣніе и нерѣшительность дѣвицы, я обратился къ ней съ такимъ вопросомъ:

„А что, развѣ кто-либо мѣшаетъ тебѣ уйти въ монастырь?“

— „Да въ томъ-то и дѣло, батюшко. Меня задерживаютъ домашніе (отецъ и мать). Говорятъ: нужно дома работать. Нынѣ поживи дома, а на слѣдующій годъ отпустимъ... На слѣдующій, да на слѣдующій годъ, да экъ все время и пройдетъ, батюшко! А мнѣ хочется нынѣ удти; вѣдь я ужъ не молода стала“, говорила дѣвица.

Я далъ слово дѣвицѣ переговорить съ родителями ея по этому дѣлу; а ей совѣтовалъ: „иди, голубушка, куда тебя влечетъ твое сердце. Иди въ чудный Кіевъ, попутные города и монастыри, а оттуда, насмотрѣвшись людей и свѣта, отправляйся и въ Терапонтовъ монастырь, гдѣ тебѣ хочется исполнить хотя первое свое обѣщаніе 1).

1) Когда къ пастырю Церкви обращаются православные за совѣтомъ, онъ долженъ мысленно обращаться къ Богу, прося Его благодатной помощи, чтобъ вразумилъ его Господь сказать то, что Ему, Господу благоугодно и

Обрадованная моими словами, дѣвица сказала: „дорогой батюшко, если поговорить отцу объ этомъ, то я-бы нынѣ же пошла въ Кіевъ. Помолившись тамъ, направилась и въ Терапонтовъ“.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды съ дѣвицей, я постарался увидѣть родителей. Пастырскими совѣтами и внушеніями достигъ того, что родители согласились отпустить дѣвицу въ монастырь для исполненія ея обѣщанія: годъ пожить тамъ на послушаніи. По истеченіи этого срока, года, какъ хотятъ престарѣлые родители, пожить дома, а затѣмъ посвятить себя навсегда иноческому послушанію, какъ она того желаетъ.

Не болѣе, какъ недѣлю времени спустя „старка“ приходила ко мнѣ съ благодарностію за то, что своимъ содѣйствіемъ я далъ ей возможность исполнить обѣщаніе, и за принятіемъ священническаго благословенія въ дорогу. Я съ радостію благословилъ ее, далъ сильную лепту и дѣвица отправилась въ Кіевъ.

Свящ. Николай Соболевъ.

ВЪ ДОБРЫЙ ПУТЬ.

Кончился наборъ рекрутовъ. Кончились пѣсни и разгулъ новобранцевъ. Кончились свиданія и прощанія молодыхъ солдатъ съ своими родными и знакомыми; наступилъ канунъ ихъ отправки на службу—по деревенски—спускъ рекрутовъ. Последній день ихъ пребывания въ кругу своей родной семьи совпалъ съ праздничнымъ днемъ—днемъ Воскресенія Христова. Предстоящая разлука съ домашними, ожидаемая впереди новая об-

просяшему совѣта служить на пользу. По вѣрѣ въ эту благодатную помощь служителю Церкви вѣрующіе и обращаются не къ мірянину, а къ священнику. И по вѣрѣ ихъ Господь внушаетъ пастырю слово благо на пользу ихъ душъ. И пастырь Церкви смиренно сознаетъ, что не его мудрость, не его знаніе даетъ плодъ, а Самъ Пастыреначальникъ, Господь Иисусъ Христосъ, обѣщавшій пребывать съ вѣрующими до скончанія вѣка дѣйствуетъ чрезъ него, пастыря, во спасеніе душъ пасомыхъ, ибо Онъ Самъ сказалъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже*. И не только пастырь, но и всякій хрістіанинъ, творя добро, долженъ помнить, что Христосъ въ насъ и чрезъ насъ исполняетъ Свои же заповѣди, какъ говоритъ преподобный Макарій Великій. Мы—только орудія Его Божественной жизнедѣятельности въ мірѣ, мы—только члены тѣла Его, которое есть Церковь, и въ томъ наше великое счастье, что Онъ дѣйствуетъ въ насъ и чрезъ насъ, освящая насъ и спасая насъ....

Епископъ Никонъ.

становка жизни, для непривычныхъ на первыхъ порахъ трудная и отвѣтственная, шемить сердце крестьянскихъ молодчиковъ. Прочь грусть и тоска! Не время теперь грустить, какъ бы говорятъ наши новобранцы. Они считаютъ прежде всего непременнымъ долгомъ посѣтить въ послѣдній разъ свой родной храмъ Божій, отслужить въ дорогу молебенъ и получить благословеніе отъ своего батюшки-духовнаго отца—своего бывшаго законоучителя по школѣ. Являются въ храмъ наши новобранцы. У всѣхъ лица серьезные, выражающія твердую вѣру въ Бога, любовь къ Царю и Отечеству. Они ставятъ свѣчи предъ св. иконами и усердно на колѣняхъ молятся Господу, чтобы Онъ далъ имъ здравіе, мужество и крѣпость идти на службу Царю Батюшкѣ, охранять Царя и Родину отъ всѣхъ враговъ и супостатовъ, стремящихся всѣми силами сгубить нашу Русь-Матушку. При этомъ молодые солдатики принесли въ храмъ купленные ими образки Спасителя и Божіей Матери, чтобы ихъ освятилъ батюшка и благословилъ иконочками ихъ въ дорогу и чтобы эти образки всегда были у нихъ съ собою на службѣ. Кончилась обѣдня. Начался напутственный молебенъ рекрутамъ. Стоя на колѣняхъ, будущіе Христолюбивые воины, съ глубокимъ вниманіемъ слушали молебныя прошенія и Божественныя слова Св. Евангелія: „Просите и дастся вамъ... Возьмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“... т. п. По окончаніи молебна приходскій пастырь, благословляя Крестомъ и окропляя св. водою новобранцевъ, сказалъ имъ задушевное слово, называя ихъ счастливыми, что они удостоились быть слугами Царскими. Затѣмъ cadaго изъ нихъ благословилъ св. образкомъ и просфорою. Со слезами на глазахъ молодые солдатики разставались съ своимъ отцомъ-духовнымъ, подходя подъ благословеніе и лобызая его руку, обѣщались, не щадя живота своего вѣрою и правдою служить Царю Батюшкѣ, а отецъ духовный въ свою очередь обѣщаль всегда молиться за нихъ предъ Престоломъ Божіимъ.

Добрый вамъ путь молодые солдатики! Дай вамъ Богъ соблюсти службу вѣрную, службу Царскую на славу нашей дорогой Родины!!

Священникъ Константинъ Славороссовъ.